

До города, до государства: культура восточнославянской общины

Киреева Ольга Викторовна

Российский государственный гидрометеорологический университет (Санкт-Петербург)
Ассистент кафедры регионоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Кандидат культурологии
gpa-olgakireeva@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена генезису культуры восточнославянской общины вплоть до зарождения городов и государства в Древней Руси. Представлена реконструкция социально-экономического, политического устройства древнего села и религиозно-нравственного облика первых поселян на территории будущего Древнерусского государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культура Древней Руси, восточнославянская община, генезис русской культуры, религия древних славян, сельская культура

Kireeva O. V.

Before the city, before the state: the culture of the East Slavic community

Kireeva Olga Viktorovna

Russian State Hydrometeorological University (Saint-Peterburg, Russian Federation)
Assistant of the Chair of Regional Studies, Social and Humanitarian Disciplines
PhD in Cultural Science
gpa-olgakireeva@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the genesis of culture of an East Slavic community up to origin of the cities and the state in Ancient Russia. Reconstruction of a social and economic, political system of the ancient village and religious and moral image of the first peasants in the territory of future Old Russian state is presented.

KEYWORDS

the culture of Ancient Russia, East Slavic community, genesis of the Russian culture, religion of ancient Slavs, rural culture

Преобразование традиционной сельской культуры в городскую — сложный многовековой процесс. Для понимания его сути следует изучить «исходный материал», т. е. ту самую богатейшую, впитавшую в себя опыт тысячелетий традиционную культуру, рожденную важнейшим для человека диалогом — диалогом с природой.

Праславянская культура, по современным данным, выделилась из индоевропейской общности в IV тысячелетии до н. э. Она не представляла собой единого этнического массива и состояла из многочисленных диалектных и наддиалектных групп с различной культурой, но все же поддающейся идентификации как праславянская. Наиболее вероятным первичным ареалом распространения древнеславянской культуры является область Среднего Подунавья. Академик О. Н. Трубачев исследовал топонимы и гидронимы этого ареала и пришел к выводу, что лингвистически они восходят к праславянскому языку [12, с. 17].

Далее, по гипотезе О. Н. Трубачева, миграция кельтов в среднедунайские земли заставила славян продвинуться к северу от Карпат и Повисленью. Но причиной продвижения славян стала также и экстенсивная система земледелия.

В IV–III тысячелетии до н. э. с формированием славянской культуры связывается несколько археологических культур. Однако связать все археологические культуры с конкретными индоевропейскими этносами не представляется возможным. Нам видится, что на данном этапе истории, когда существенных подвижек не наблюдалось, можно говорить о влиянии на эти этносы различных культур. Собственно, этот синтез и привел впоследствии к образованию индивидуальных этнических черт.

В середине I тысячелетия Восточную Европу захлестывает волна миграций. Великая славянская миграция связывается в первую очередь с появлением на карте Европы гуннов. Первые упоминания о них у европейских авторов относятся к середине II в. н. э., когда отдельные группы их проникли в Прикаспийские и Нижневолжские степи и осели там. «Во второй половине IV в. огромные полчища гуннов, объединенные в большой племенной союз, начали продвигаться к Юго-Восточной Европе» [9, с. 199].

Гуннское нашествие затронуло весь ареал черняховской культуры, к которой принято причислять и предков славян. В результате деятельности знаменитого вождя гуннов Атиллы в 445–454 гг. и создания мощной Гуннской державы крупнейшие ремесленные центры и поселения протославянской культуры прекратили свое существование. Остальная же часть славянских племен была вынуждена мигрировать. Славяне расселились на широких просторах Европы в течение достаточно короткого периода времени (разумеется, в историческом масштабе). Возникли новые поселения, часть из которых стали племенными и ремесленными центрами. Но следует отметить, что в лесостепных землях междуречья Днепра и Днестра основные массы земледельцев-антов не покинули мест своего обитания.

Обращаясь к древнему источнику, книге «О происхождении и деяниях гетов» Иордана, жившего в VI в. и ориентировочно происходившего из гото-аланской среды, мы читаем следующее упоминание о древнем ареале славян: «У левой стороны их (Карпатских гор), которая склоняется к северу, от истока Вистулы на огромных просторах обитает многочисленное племя венетов. Хотя их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами. Славяне живут от города Новистуна (на Дунае) и озера, которое называется Мурсианским, вплоть до Данастра (Днестра) и на севере до Висклы (Вислы), болота и леса заменяют им города. Анты же, самые могущественные из них, там, где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра вплоть до Данапра» [8, с. 107–109]. Но поскольку в данном исследовании речь идет о восточнославянской культуре, то анты нам интересны только с той точки зрения, что из их среды вышли племена северян, вятичей и донских славян [9, с. 525]. Остальную же часть антов составляют предки хорватов, тиверцев и уличей.

Славянские племена переселялись хаотично, миграция не была непрерывным процессом, а была скорее чередой переселений с учетом внешних факторов, т. е. встречи с иноплеменными образованиями, с новыми географическими условиями и обновлением календарного цикла земледельческих работ (а подсечно-огневая система того времени с редкими очагами пахотного земледелия требовала смены мест проживания раз в три-четыре года). И неслучайно в таких условиях, что социальное устройство славянского общества резко поменялось. Славяне, исконные земледельцы, в первую очередь привязаны к земле и сельскохозяйственным работам. Как образно выразился О. Шпенглер: «Человек пускает корни в ту землю, которую он возделывает» [13, с. 90]. Так и славянин живет по календарному циклу сельскохозяйственных работ. Делает все для совершенствования обработки почвы, повышения плодородия земли. Неудивительно, что земля, дававшая пищу, одежду, кров, наделялась душой в народном сознании, как и все факторы, влияющие на ее плодородие. Земля осмыслялась как всеобщий источник жизни, мать всего живого, в том числе и человека. Соответственно, с небом, орошающим землю,

отождествлялось мужское, оплодотворяющее начало (земля — мать, небо — отец). По свидетельству Маврикия [8, с. 369–375], славяне выращивали злаки, особенно просо и полбу. В археологии имеются также сведения о выращивании льна как технической культуры [10, с. 125].

Ранее уже упоминалось, что в этот период времени славяне использовали подсечно-огневую систему земледелия, в этом случае очищенный от леса участок истощался после 3–4 лет обработки, что приводило к необходимости оставлять старые участки и вырубать новые. Пашенное земледелие стало проявляться в период спада миграции в VI–VII вв. как верный признак оседлости, постоянства территории. Это новая ступень в эволюции культуры славянского поселения, когда уходит из сознания человека ощущение временности окружающего, мир обретает некую статичность. Появляется возможность для культуры развиваться вглубь.

Помимо всего прочего земля дает древнему славянину материал для строительства и производства домашней утвари. Открыты целые поселения, в которых жили и работали гончары, хотя они, по-видимому, трудились и в большинстве поселений. Эта необходимая профессия, связанная в народном сознании с нечистой силой, передавалась в роду от отца к сыну.

Нельзя также недооценивать значения в повседневной жизни славян и таких занятий, как животноводство, охота, бортничество, рыбная ловля. Человек использовал все, что давала ему природа.

«Они многочисленны и выносливы, — пишет о славянах Маврикий, — легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку пищи» [8, с. 369–375]. Таким образом, очевидна довольно щадящая адаптация славянской культуры к особенностям Восточно-Европейской равнины, к разнообразию ее климатических условий. Здесь культура берет на себя природную функцию живого организма — защитную.

Основополагающее занятие славян — земледелие — предопределило неким образом расположение славянских поселений. «Крестьянский дом — великий символ оседлости», — пишет О. Шпенглер [13, с. 91]. Несмотря на довольно частую перемену мест славянские поселения строились тщательно, в них было предусмотрено все необходимое для повседневной жизни.

Одно из ранних славянских поселений (Березняки, IV–V вв.), исследованное П. Н. Третьяковым [10, с. 145], состояло из 11 построек, где только 5 были жилищами. Остальные же использовались как ремесленные и подсобные помещения. Необходимо также подчеркнуть, что селились славяне вдоль рек, озер, любили устраивать поселения на мысах, буграх и других природных возвышениях. Археологически зафиксировано, что большинство поселений интересующего нас периода были неогражденными либо имеющими естественные ограждения. Еще Маврикий отмечал, что славяне предпочитают жить «среди лесов, рек, болот и труднопреодолимых озер» и устраивать в своих жилищах много выходов с разных сторон [8, с. 369–375]. Обращаясь к этимологизации древних славянских поселений, О. Н. Трубачев отмечает: «Открытость, неогражденность селения, деревни в противоположность городу, с самого начала подчеркивалась производностью названий от глаголов, обозначающих «входить, пребывать в гостях» [12, с. 216]. Но одновременно складываются и укрепленные поселения, огражденные рвом либо частоколом, так называемые племенные центры, прообразы славянских городов.

Поселения древних славян везде имели приблизительно одинаковые размеры (0,5–2 га). Застройка шла лучевая, бессистемная, и поэтому трудно было определить, сколько домов находилось в каждом поселке. В целом, в славянской деревне насчитывалось 5–7 домов на 1,5 га, т. е. 25–45 человек [4, с. 99]. И если Прокопий Кесарийский в VI в. сообщает, что славяне «ютятся в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга» [8, с. 183–185], то к VII в. идет уже четкая тенденция к уплот-

нению и расширению поселений. Деревня насчитывает уже 20–40 жилищ-землянок, которые находятся на расстоянии 5–15 метров друг от друга [10, с. 118].

Все это, несомненно, свидетельствует об усложнении социальной организации славянских племен. Родовая община разрушается с наступлением славянской миграции. Необходимо пояснить, к чему приводит данный процесс. Род как десцентная группа, т. е. социальная группа, построенная на основе отношений кровного родства, мыслит себя происходящим от одного предка, родоначальника, покровителя рода. А отношение к предкам всегда играло ключевую роль в социальной структуре традиционных обществ. Так с распадом традиционного славянского рода утрачивается закрытость в культуре, а предки приобретают мифический образ в сознании людей общины.

Но распад «абсолютного» родства в период миграции проявится в осознании того, что где-то в соседнем поселении, возможно, живет родич, т. е. сознание родового единства трансформируется в сознание единства племенного, а позднее — этнического. Это то, чем наполнены древнерусские былины, имеющие, как известно, очень архаические корни (былинны циклы о Святогоре, Волхе Всеславиче, Илье Муромце и т. д.).

В языке преобразование социального устройства отразилось в первую очередь в появлении терминов сводного родства, что опять-таки указывает на обретение некой открытости в славянском обществе.

Итак, наиболее распространенной ячейкой славянской общины становится нуклеарная либо расширенная семья. Говоря о социальном устройстве славян, Г. Г. Литаврин опирается на византийский источник — Земледельческий закон (к. VII–VIII вв.), который свидетельствует о безраздельном господстве именно соседской общины на варварских землях империи [14, с. 35]. Пахотные участки хозяев были разделены межами, рвами, частоколами, оградами. Многочисленные находки ключей в археологическом пласте данного периода свидетельствуют о развитии частной собственности.

Обращаясь к этимологии слова «община», следует сказать в первую очередь, что это вид владения землей сообща. О. Н. Трубачев предлагает два исходных значения слова «община»: 1) общий; 2) круглый [11, с. 168].

Таким образом, первое значение отражает общественное устройство, второе же свидетельствует скорее о характере поселения.

По данным ЭССЯ, основную массу славянского общества составляли свободные общинники (l'udъ). Причем «свобода» здесь — это совокупность людей, родичей, своих, а не поселение. Однако этот старославянский термин нашел отражение в одной из форм поселения — слобода.

В каждом поселении или соседской общине был свой старейшина, который пришел на смену старейшине рода. По свидетельству Прокопия, славяне «не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии» [8, с. 183–185]. Соответственно, староста или старейшина — это мудрый, уважаемый всеми человек, помогающий решать дела общины. Слово «староста» образовалось от «старый» с этимологической окраской «почтенный» [11, с. 178]. Совокупность поселений образует племя. «Возвысившийся род в жестокой борьбе с другими родами становится во главе племени, из членов этого рода избирался и вождь всего племени» [14, с. 40]. Во главе с вождем и его дружиной славянские воины совершали военные походы.

Для славянского общества этого периода характерна своеобразная открытость, легкая адаптация чужаков, в притоке которых были, несомненно, заинтересованы вожди племен, т. е. людей, не связанных родоплеменными традициями, оторванных от родной среды, стоявших вне общинных и родственных связей.

За каждым племенем закреплялось определенное название, причем, как правило, эндоэтнонимы (самоназвания) либо означали просто «люди» или «свои», либо

восходили к экзоэтнонимам, т. е. названиям, данным другими племенами. И в период миграции выделялось два основных типа экзоэтнонимов: когда переселялись целыми образованиями (племенами, общиной), за племенем закреплялось имя вождя либо старейшины (радимичи — Радим, вятичи — Вятко); когда переселялись небольшими группами и объединялись на новом месте, закреплялось топографическое название (от преобладающей местности: брежане, древляне, дреговичи и т. д.).

Основную часть славянского поселения составляли малые семьи. Об этом можно судить по размерам жилищ-полуземлянок (6–20 м²), т. е. это семья в среднем из 10–12 человек. Но существовала одновременно и большая семья: полуземлянки расположены группами («кустами» или «гнездами») на расстоянии нескольких метров друг от друга (4–10 домов). Большая братская семья, называемая «патронимией», связана общими хозяйственными интересами, узами кровного родства и культом единого предка [14, с. 34].

В течение длительного периода древности отцовство в физическом смысле было неопределимо. О. Н. Трубачев предположил, что термин *pater* относился и к отцу, и к его братьям, т. е. дядьям по отцу, а слав. *bat' (j)a* объяснил как «старший брат» [11, с. 25]. Таким образом, можно сделать вывод, что каждый кровный родич по восходящей линии (реальный отец, дед, прадед) мог считаться отцом любого младшего кровного родича, а самой дальней степенью родства по восходящей линии считался прапрадед (слав. «праштоурь», древнерус. «пращурь»), т. е. родоначальник. Итак, внутрисемейные отношения у славян построены на иерархическом почитании и уважении по мужской линии в первую очередь.

Но при этом следует отметить особое положение женщин в семье. С женщинами связано появление в семье свойственного родства, т. е. родства по браку. В результате древнейшего запрета на инцест, в славянской общине господствует экзогамия: невесту берут из другого рода. Точнее, как описывает брачный обряд «Повесть временных лет», невесту не берут, «не идет зять за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят за нее — кто что даст» [11, с. 25]. Причем переселение девушки в новый дом (род) уподобляется в славянском понимании смерти, т. е. девушка «умирает» для своего рода, семьи и рождается для новой жизни. Отсюда в обрядовой славянской поэзии и «свекор-батюшка», «свекровь-матушка», т. е. свойственное родство приравнивается к кровному. Сам обряд принятия в семью — свадьба — важен как демонстрация его социальной ценности: только после этого женщина становится «сестрой», т. е. «своей женщиной», «женщиной рода» (от слав. *sestra*).

Рождающийся ребенок до достижения им трудоспособного возраста не имеет права голоса зрелого мужчины (*otrokъ* — «тот, кому отказано в праве говорить»). Б. Д. Греков считает, что «нет причин резко противопоставлять семью этого времени роду, это как развитие родовых отношений» [3, с. 78]. И это верно отражает структуру внутрисемейных отношений в славянской общине V–VII вв., т. к. кровнородственные, родовые реликты еще долгое время сохраняются в социальной среде славянских поселений. Примером служит, например, факт кровной мести как за женщину, так и за мужчину рода в тексте «Русской Правды». Существовали у древних славян и представления о наследовании от родителей (преимущественно отца) не только физических, но и внутренних качеств, т. е. ребенок мог родиться «вродливый» (пошедший в свой род, древний синоним «красивый») и «уродливый» (т. е. не пошедший в род). Если ребенок родился «в род», могли сказать, например: «Каково дерево, таков и клин, каков батько, таков и сын» или «Каково семя, таково и племя. По семени племя». Если же ребенок не «в род» пошел, могли сказать: «Отец отпоком щи хлебал, а сын в воеводы попал» и т. д. Необходимо отметить, насколько важно было в этом случае не запятнать честь своей семьи, своего рода, ибо

мнение народа, общины о роде могло сыграть определенную роль в решении общинных вопросов, и если запятнана честь отца — за сына никто не заступится. Здесь реализуется древнейшее правило еще индоевропейских времен: «Знай свой род».

Одновременно с суровостью (на первый взгляд) нравов славянской общины, рода, мы видим и высокий уровень культуры внутрисемейных отношений. Говоря о славянских женах, Маврикий пишет, что они «целомудренны сверх всякой человеческой природы, так что многие из них кончину своих мужей почитают собственной смертью и добровольно удушают себя, не считая жизнью существование во вдовстве» [8, с. 369–375]. И действительно, археологии известны случаи массовых, а также парных захоронений, и это наследие еще праславянских древностей. И даже термины сводного родства (как уже говорилось ранее) имеют более позднее происхождение. Зато «сирота» (от слав. *sirъ`orbus*, *sirъ* — «безродный, лишившийся отца и матери») слово очень древнего происхождения, этот факт говорит о социальной значимости такого рода проблем, как смерть родителей. Каждый человек важен как работник, помощник, и сирота оставался полноправным членом общины, будучи принятым в другой род либо поселившись у родичей, если они были. Характер сложившегося в славянской деревни устройства, соседская община, предопределил несколько иной тип отношений между людьми. Это прежде всего близость сосуществующих на одной территории людей как отсутствие противопоставления коллективности и индивидуальности, т. е. важна жизнь всего села, но не конкретного человека. И естественно, в этой атмосфере складывается особый неписаный порядок взаимоотношений, в основу которого положена честность, верность слову: «За собой слова не удержав, за людьми не удерживай» или «Слово сказал, так на нем хоть терем клади». Далее, еще из древности идет запрет на отказ в помощи. Он также относится к неписаным законам общины.

Все, что выходит за рамки этой условности, попадает в разряд каузального права. Все возникающие конфликты и споры решаются на совете, общем сборе во главе со старейшиной общины. Ранее приводились примеры кровной мести, но, допустим, если член общины убивал общинника другого племени, то в ответе за убийство было все село. Такие споры, как правило, решались силой. Увечье наносилось в ответ на увечье, причем «Русская Правда» закрепила случай, когда увечье нанесено без следа. В таком случае нужен «видокъ»: «слово противу слова, а кто боудеть началу, тому платити...» [6, с. 13].

За нарушения неписаного нравственного закона деревни — доверия (как внутриродового, так и внутриобщинного, т. е. кражу (татьбу), измену и т. д.) также полагались суровые наказания. Так, измена могла закончиться смертью жены. Древнерусская былина о богатырях Святогоре и Илье Муромце запечатлела один такой случай (Святогор, уличив супругу в измене, убил ее) [2, с. 53]. А «Русская Правда» отразила правомерность мужа увечить изменников («носы урезать»). Но необходимо сказать, что отношение к женщине равно отношению к мужчине: «Оже кто субьет женоу, то тьмъ же соудомъ соудити, ако же и моужа» [6, с. 17].

Самой же серьезной формой наказания в общине является изгнание. Древнее обозначение изгнанника из рода, отверженного (*vorъgъ*) [11, с. 175] трансформировалось в современное «враг», т. е. кто-то чуждый, живущий во вне установленных границ. А учитывая древнюю обстановку взаимной вражды между племенами, такой человек был, как правило, обречен на скитание. По-другому обстояло дело с действительно чужими — иноземцами. Маврикий пишет: «К прибывающим к ним иноземцам добры и дружелюбны, препровождают их поочередно с места на место, куда бы тем ни было нужно; так что, если гостю по беспечности принявшего причинен вред, против него начинает вражду тот, кто привел гостя, почитая отмщение за него священным долгом. Пребывающих у них в плену они не держат в рабстве неопределенное время... но, определив для них точный срок, предоставляют на их

усмотрение: либо они пожелают вернуться домой за некий выкуп, либо останутся там как свободные люди и друзья» [8, с. 369–375]. Следует также отметить, что такое положение пленникам-христианам было очень выгодно, т. к., вернувшись на родину из варварского плена, они считались вероотступниками и карались. А славянам, как уже говорилось ранее, рабочие руки были всегда в большом почете, учитывая тот факт, что часть мужского населения уходила в походы, и вопрос, на кого оставить хозяйство, стоял очень остро. А также для славян, «прикованных» к земле, иностранцы являлись источником информации об окружающем мире. В общем, достаточно гуманная политика общинников по отношению к пленным говорит о высоком уровне духовной культуры.

Что же касается рабства у славян, то, как мы узнаем от Прокопия Кесарийского, в пределах одного племенного союза в VI–VII вв. обратить в рабство своего соотечественника было невозможно по закону [8, с. 183–185]. Однако, несомненно, такие случаи встречались уже в это время. По славянским источникам IX в., славяне обращали в рабов не только пленников, но и преступников, должников, продаваемых родителями детей, вероотступников и т. д. Но здесь понятие «раб» несколько абстрактно. Поскольку это были работающие на земле люди, живущие по законам общины, но отношение к ним отличалось, как к нарушившим атмосферу доверия, а потому отличались и их права и роль в социокультурном пространстве сельской общины того времени.

Вопрос миропонимания и религии играет, пожалуй, основную роль при реконструкции жизни сельской общины Древней Руси. Здесь необходимо в первую очередь сказать о взаимоотношениях человека с силами природы и их влиянии на оформление социокультурного пространства, о ритуальных действиях, связанных с земледельческим календарным циклом, об обрядах, сопровождающих жизненный цикл поселянина, а также о религиозных действиях, связанных с оформлением жизненного пространства сельской общины.

Мы привыкли понимать славян как язычников, политеистов, почитающих «и реки, и нимфы, и некоторые другие божества», приносящих «жертвы также им всем» [8, с. 183–185], прославляющих духов полей, лесов, богов стихий. Считается, что первичным верованием древних славян были упыри и берегини, анимистические представления о которых возникли еще в палеолите или мезолите и сохранились вплоть до XI в. н. э.

Само слово «берегиня» относится к глубокой древности и перекликается со словом «берег», представлявшимся в умах древних, как твердая, надежная земля, по сравнению со своевольной водной стихией. Отсюда пошло понятие «оберегать». Упыри и берегини — архаичные наименования двух противоположных начал — злого и доброго, враждебного человеку и оберегающего человека. Затем, в эпоху энеолита выделяется культ Рода, божества Вселенной, природы и плодородия. Он сочетался некоторое время с культом рожаниц. Новая версия вторит этим представлениям о верованиях древних славян, но она показывает их в совершенно ином ключе. Дело в том, что еще О. Н. Трубачев говорил о древней стадии безмолвного почитания божества, определял ее как *goveti* — «поститься, хранить почтительное молчание» [12, с. 183]. Из этого следует безымянность богов, духов, а возможно, и запрет на само произнесение их имен.

В Густинской летописи есть упоминание о некоем едином боге, которому в жертву топят людей: в день воскресения Христова собираются юные и играючи бросают человека в воду или о дерево или о камень, в воде он чаще всего умирает» [5, с. 257]. А в некоторых местностях человека просто обливают водой. Возможно, здесь речь идет о Свароге, по крайней мере, при перечислении языческих божеств летопись о нем не упоминает. В таком случае, к числу его «ипостасей» относятся и Перун — владыка грома и молнии, и Велес — скотий бог, и Позвизд — бог воз-

духа, и Лад — бог женитьбы, веселия и всякого благополучия (ему приносят жертвы те, кто хочет жениться, его зовут на крестины и на свадьбы, поют песни и пляшут), Купало — бог обилия (когда наступает жатва, ему за обилие приносят благодарение), Коляда, Хорс, Даждьбог, Стрибог, Семаргл и Мокошь. В той же Густинской летописи говорится об обычае приносить жертву Перуну и охранять неугасающий огонь с дубового дерева, за которым смотрит «иерей», и если огонь угаснет, то «иерея» убьют без всякой милости [5, с. 256]. С подобным обычаем мы неоднократно сталкиваемся в мировой ритуальной практике. Например, Дж. Фрэйзер в «Золотой ветви» описывает обычай священной рощи и святилища Немийской или Лесной Дианы, согласно которому жрец богини денно и ночно охранял священное дерево, но в любую минуту он должен был быть готов к нападению, и тот, кто его убивал, сам становился жрецом.

В источниках неоднократно упоминается о том, что богам устанавливали статуи, деревянные и каменные идолы или же устраивали т.н. капища (капь — «истукан, статуя») и требища, т. е. жертвенники (треба — «жертва»). Но о специальных храмах у восточных славян ни в археологии, ни в литературе нет данных. Особым явлением в религиозной жизни Древней Руси были также «рощения»: «иныи же кладяземь, езеромь, рощениямь жетвы приношаху» [5, с. 257]. Священные рощи располагались, как правило, неподалеку от поселка. Сюда сходились люди, чтобы воздать хвалу тому или иному божеству, как в праздничные, так и в будние дни, попросить о хорошем урожае, об избавлении от повальной болезни и т. д. или наоборот поблагодарить за оказанную благосклонность и принести обещанную жертву. Таким образом, рощения оказывались как местом социализации поселян, так и местом религиозного единения. Некоторые священные места славяне унаследовали от коренного населения, ярким примером такой культурной диффузии может служить «Благовещенская гора» близ древнерусского города Вщижа на Десне. На ней существовало хорошо оснащенное святилище начала н. э., приписываемое юхоновской культуре (литовско-латышская), посвященное культу медведя [7, с. 122]. Это святилище стало использоваться славянским поселением, возникшим неподалеку (языческий славянский праздник «комоедицы» отмечался 24 марта), а позднее на ее месте была построена Церковь Благовещения. Такие сакральные места: горы и рощения — имелись почти у каждого древнерусского города (на юге от Чернигова, близ Новгорода Великого, при выходе из Волхова в Ильмень-озеро, находилась «Перунья роща», роща близ Киева и т. д.).

В земледельческой культуре важна каждая деталь, тонкие наблюдения окружающего мира. Так появляются в повседневном обиходе приметы, которые оказываются более или менее верны, смотря по степени верности самих наблюдений, и многие из них превосходно обрисовывают быт поселянина. Например, если в то время, когда пахут землю, поднимается пыль и садится на плечи пахаря, то надо ожидать урожайного года, т. е. земля рыхла и зерну будет привольно в мягком ложе [1, с. 28]. Когда же метафорический язык утратил общедоступную ясность, то для большинства славян-общинников понадобилась помощь вещей людей: жрецов, чародеев и т. д., которые знали суть всех обрядов, отгадывали будущее по приметам. И этот человек обязательно являлся старейшиной в селе. В составе общины, а затем и племени непременно находились люди, которые занимались совершенствованием системы обрядов, знавшие тексты молений, песнопений, формулы обращения к богам. Волхвы определяли религиозный календарь (в этом отношении очень интересны находки ритуальных сосудов и чаш с обозначением двенадцати месяцев). Согласно календарю, поселяне зажигали священный огонь три раза в год в январе, марте и июне (соответственно, зимнее солнцестояние, весеннее равноденствие и летнее солнцестояние). Над календарными чарами волхвы совершали гадательные обряды, главенствующее место среди которых занимали новогодние гадания, когда вопрошали

судьбу о будущем урожае и о жизни поселка в предстоящем году. Волхвы знали заклятия от засухи, в народном представлении они могли управлять силами природы и обеспечить хороший урожай. Однако на Руси волхованием занимались не только мужчины, но и женщины-волхвы, они не только гадали, ворожили, но и лечили от всяческих недугов.

Итак, поселяне обращали свои моления к божествам различных природных явлений, чаще же всего анимистические верования наших предков проявлялись в важнейшей сфере их жизни — земледельческом цикле. При этом важно точное соблюдение обрядов, от того, как засеять поле, как обойтись с первым снопом может зависеть благосклонность богов.

Возвращаясь к социокультурному пространству непосредственно самого поселения, к его бытовой ритуальной сфере, необходимо сказать о первоначальном устройстве каждого поселения. После того, как выбиралось место будущего села, обозначался его сакральный центр, здесь возводился алтарь или жертвенник, этот центр позднее становился местом общих ритуальных практик. И вокруг него уже возникали дома, мастерские, целые деревни, а позднее и города. Эта особенность оформления пространства при заселении присуща практически всем традиционным обществам. Известно также, что при закладке села или города приносилась ритуальная жертва. Так, по преданию, была заложена новгородская крепость: народные старейшины, следуя древнему обычаю, послали перед восходом солнца гонцов с наказом захватить первое живое существо, какое им встретится, навстречу им попало дитя, его и положили в основание крепости, отсюда и сама крепость получила название «детинца». Но не следует думать, что жертвы были только человеческие, в качестве подношений богам использовали также животных, либо мед, молоко, крупы и др.

Что же касается внутриродовой сакральной сферы, то особым пространством внутри каждого рода был дом. Его закладка, равно как и основание села или города, сопровождалась жертвоприношением: на месте будущего переднего угла закапывалась голова петуха, зёрна, монеты, мед и т. д. Отсюда выражение: «срубить себе угол». По преданию, постройка нового дома влечет за собой смерть первого, кто войдет в новый дом, а так как первым в дом должен входить старший в роду, поэтому и приносят жертву богине Земли, чтобы «откупиться» от смерти, отсрочить неизбежный уход из жизни хозяина.

Далее необходимо отметить огромную роль очага в жизни рода. Очаг един для всего рода, приготовленная на нем пища составляет общую трапезу. Огонь, разведенный под домашним кровом, почитался божеством, охраняющим обилие дома, мир, счастье всех членов рода. Каждый род имел своего домового — пената, пристанищем которого был единый для всех очаг — знамение духовного и материального единства живущих при нем родичей [1, с. 25]. Отсюда происходит древнерусское название дома — *истьба* (от «истьба, истопка» — «топить»), а также несторовское «дым» («дом»). В русской правде мы встречаем слово «огнещанин», что значит «владелец очага», т. е. глава рода (поэтому за его убийство полагалась двойная «вира», т. е. штраф). Для понимания значения очага в пространстве дома необходимо обратиться к семантике огня в древнерусской традиции. В первую очередь, огонь — это божество, творящее урожай, погашение его и отдача в другой дом — знак бесплодия и перехода изобилия в посторонние руки. С огнем связывалось и семейное благосостояние, отсюда домашний очаг получил значение домового, оберегающего имущество домохозяина и умножающего его доходы. Во-вторых, нужно отметить очистительную силу и целебные свойства огня в представлении древних поселян. Огонь отгоняет демонов, приносящих беды и болезни. Но очаг требует от людей целомудрия, любая греховность должна быть скрыта от него, и человек, чувствующий за собой вину, уже не мог приблизиться к родному

очагу, пока не совершит искупительного обряда. Очистительная функция огня проявляется в повседневной и праздничной обрядности. Так, по окончании уборки хлеба, сжигали соломенные постели и старые лапти, скакали через разведенное пламя и окуривали свою одежду от болезней и чар, такая же обрядность проводилась накануне дня Купалы. От огня целебные свойства переходили на золу и пепел. Особенно важное значение имел огонь, добытый трением из дерева (так же, как бог-громовик зажигал небесное пламя грозы). Огонь, добытый таким способом, назывался древесным, лесным, новым, живым или царь-огнем и являлся спасительным при всех заразных и повальных болезнях (ср.: дождь, льющийся из тучи, пробуравленной палицею Перуна, назывался «живою водою»). Этим живым огнем зажигали купальские костры, через которые поселяне перегоняли скот и сами прыгали.

И, в-третьих, с возрождением огня издревле соединялась мысль о возрождающейся жизни, а с погашением — мысль о смерти. Отсюда ритуальный смысл обряда кремации. «Усопшие, сгорая на костре, очищаются от зла и неправды и просветленные божественным пламенем водворяются в стране вечного блаженства» [1, с. 22].

Таким образом, в основе верований древних славян лежит не просто языческий взгляд на мир, а совершенно особое его понимание: осознание того, что люди взаимосвязаны со всеми видимыми и невидимыми мирами, что они обладают возможностью обращения к другим уровням бытия и могут вносить те или иные желаемые изменения как в свой мир («правь»), так и в другие миры.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что человек, включенный в социокультурное поле восточнославянской общины предгосударственного периода, — это человек, уже не принадлежащий эпохе первобытности, победивший синкретизм племенного сознания, противопоставляющий себя природе, выработавший свою (уже достаточно сложную) систему экономических, нравственно-правовых, религиозных воззрений и стоящий на пути их совершенствования, на пути создания города и государства.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с другими мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. М. : Современный писатель, 1995.
2. Былины / под ред. В. И. Калугина. М. : Современник, 1991.
3. Греков Б. Д. Киевская Русь. М. : Гос. изд-во полит. лит.-ры, 1949.
4. Древняя Русь. Город. Замок. Село. М. : Наука, 1985.
5. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1962.
6. Русская Правда. Киев : Изд-во УАН, 1935.
7. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. 3-е изд. М. : Академический проект, 2015.
8. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М. : «Восточная литература» РАН, 1991.
9. Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М. : Языки славянской культуры, 2002.
10. Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Л. : Наука, 1982.
11. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М. : Изд-во АН СССР, 1959.
12. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М. : Наука, 2003.
13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М. : Айрис-пресс, 2003.
14. Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М. : Наука, 1987.

References

1. Afanasyev A.N. *Poetic views of Slavs on the nature. Experience of comparative studying of Slavic legends and beliefs in connection with other mythical legends of other related people* [Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanii i verovanii v svyazi s drugimi mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov]. T. 2. M. : Modern writer [Sovremennyy pisatel'], 1995. (rus)
2. *Bylinas* [Byliny] / under the editorship of V.I. Kalugin. M. : Contemporary [Sovremennik], 1991. (rus)
3. Greekov B.D. *Kievan Rus'* [Kievskaya Rus']. M. : State publishing house of political literature [Gos. izd-vo polit. lit-ry], 1949. (rus)
4. *Ancient Russia. City. Castle. Village* [Drevnyaya Rus'. Gorod. Zamok. Selo]. M. : Science [Nauka], 1985. (rus)
5. *Ipatyevsky chronicle* [Ipat'evskaya letopis'] // PSRL. T. 2. M. : Publishing house of Academy of Sciences of the USSR [Izd-vo AN SSSR], 1962. (rus)
6. *Russian Truth* [Russkaya Pravda]. Kiev : Publishing house of UAN [Izd-vo UAN], 1935. (rus)
7. Ribakov B.A. *Paganism of Ancient Rus'* [Yazychestvo Drevnei Rusi]. the 3rd prod. M. : Academic project [Akademicheskii proekt], 2015. (rus)
8. *Arch of the most ancient written news of Slavs* [Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavyanakh]. T.1. M. : «East literature» of the Russian Academy of Sciences [«Vostochnaya literatura» RAN], 1991. (rus)
9. Sedov V.V. *Slavs. Historical and archaeological research* [Slavyane. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie]. M. : Languages of Slavic culture [Yazyki slavyanskoi kul'tury], 2002. (rus)
10. Tretyakov P.N. *In the wake of ancient Slavic tribes* [Po sledam drevnykh slavyanskikh plemen]. L. : Science [Nauka], 1982. (rus)
11. Trubachev O.N. *History of Slavic terms of relationship and some most ancient terms of a social order* [Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroya]. M. : Publishing house of Academy of Sciences of the USSR [Izd-vo AN SSSR], 1959. (rus)
12. Trubachev O.N. *Ethnogenesis and culture of the most ancient Slavs* [Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan]. M. : Science [Nauka], 2003. (rus)
13. Shpengler O. *Decline of Europe. Sketches of morphology of world history. T. 2. World historical prospects* [Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. T. 2. Vsemirno- istoricheskie perspektivy]. M. : Airis-press, 2003. (rus)
14. *Ethnosocial and political structure of the early feudal Slavic states and nationalities* [Etnosotsial'naya i politicheskaya struktura rannefeodal'nykh slavyanskikh gosudarstv i narodnostei]. M. : Science [Nauka], 1987. (rus)